

Чу И немного приподнял бровь:

— Тебе тридцать лет. Неужели, кроме твоей мамы, тебя никто больше не торопил?

Цинь Ихэн качнул головой:

— Нет.

Впрочем, пораскинув мозгами, Чу И решил, что это вполне естественно. Будь у него такой друг, как Цинь Ихэн, он бы тоже не стал уламывать его встречаться с кем-то или жениться. Он бы лишь бездумно восхищался им и заставлял сосредоточиться на карьере.

Хотя Цинь Ихэн и обладал врождённым умением очаровывать, сам того не замечая, Чу И никак не мог представить его искренне и всерьёз влюбленным.

Это казалось абсолютно нереалистичным и даже диким.

Если бы кто-то и захотел его подтолкнуть к браку, то делал бы это обиняками — как, например, уборщица, которая не посмела бы сказать ничего самому Цинь Ихэну, но намекнула бы маме Цинь.

Но из-за того, что Цинь Ихэн был слишком выдающимся человеком, никакой подходящей партии для него не нашлось бы, и всё просто сошло бы на нет.

— А ты? — спросил его Цинь Ихэн. — Раньше часто ходил на свидания вслепую?

Чу И вспомнил тот период, когда его жизнь превратилась в сплошной кошмар из постоянных свиданий:

— Да, бывало.

— Тебе кто-нибудь... приглянулся?

Чу И повернулся к Цинь Ихэну. Ему показалось, что перед этой фразой тот запнулся.

Впрочем, возможно, это просто показалось.

Чу И покачал головой:

— Нет. Я словно выполнял домашнее задание, заданное родственниками. Почти всё заканчивалось просто совместным обедом или ужином.

— Но Чжао Чжунлян, похоже, очень увлечён тобой.

Чу И улыбнулся:

— Ты даже помнишь, как его зовут.

— Угу.

— В чувствах нужна взаимность. Симпатия в одни ворота ни к чему не приводит.

Цинь Ихэн задумчиво помолчал.

— Цинь Ихэн, тебе кто-нибудь признавался в любви?

Цинь Ихэн кивнул:

— Да.

Чу И охватило любопытство:

— Парни или девушки?

— И те, и другие.

В груди у Чу И кольнуло ревностью, но любопытство взяло верх:

— И как это было?

— Случаев слишком много. О каком именно ты спрашиваешь?

Чу И едва не поперхнулся воздухом. Он понимал, что Цинь Ихэн просто констатирует факт — тот всегда так разговаривал.

Но звучало это...

До чего же высокомерно!

— Расскажи о том, которое запомнилось больше всего.

Цинь Ихэн слегка приподнял подбородок и всерьёз задумался, выбирая самое яркое воспоминание.

Он молчал целую минуту. Чу И уже решил, что тот просто не хочет об этом говорить, как Цинь Ихэн наконец произнёс:

— Расскажу про случай на третьем курсе, — Цинь Ихэн, похоже, усиленно пытался вспомнить детали. — Меня тогда обманули. Кто-то соврал, что вечером будет пара, и заманил меня в аудиторию.

Чу И не удержался и рассмеялся.

Слова Цинь Ихэна «меня обманули» звучали ужасно мило.

Прерванный его смехом, Цинь Ихэн обернулся.

Чу И тут же взял себя в руки:

— Прости-прости, продолжай.

Цинь Ихэн продолжить:

— Когда я пришёл, свет в аудитории был выключен. Но до звонка оставалось всего три минуты, поэтому я заподозрил неладное и решил уйти.

Чу И почувствовал, что подбирается кульминация, и с искренним интересом уставился на Цинь Ихэна.

Встретившись с ним взглядом, Цинь Ихэн внезапно улыбнулся.

Чу И растерялся:

— Что такое? Чему ты улыбаешься?

— Тебе кто-нибудь говорил, что у тебя очень красивые глаза?

Чу И кивнул:

— Да, довольно часто говорят.

Цинь Ихэн мгновенно перестал улыбаться.

Он продолжил:

— Я успел сделать лишь пару шагов, как в аудитории вспыхнул свет. Я оглянулся и увидел парня. Он развесил по всему кабинету гирлянды, — Цинь Ихэн изобразил пальцами маленькие огоньки, — с крошечными лампочками, похожими на те, что вешают на рождественскую ёлку.

Чу И представил себе эту картину.

— Тот парень стоял с гитарой перед стойкой с микрофоном и пел.

Чу И мысленно восхитился:

— И что за песню он пел?

— Без понятия.

— А красиво пел? — переспросил Чу И.

— Не знаю, я развернулся и ушёл.

Чу И: «...»

— Очень скучно.

Чу И: «...»

Ладно.

А по-моему, подумал Чу И, всё звучит вполне неплохо: без лишней помпезности и вычурности.

К тому же, если человек решился петь с гитарой, наверное, и голос у него был хороший.

— И вы потом общались? — спросил Чу И.

Цинь Ихэн покачал головой:

— Нет. — И помедлив, добавил: — Не знаю, общались ли. Вечером было слишком темно, я даже не разглядел его лица.

Чу И удивился:

— И ты не стал узнавать, кто это?

— Нет, мне было не интересно.

Чу И глубоко вздохнул.

Что ж, ясно.

— А другие случаи были? Ну, похожие необычные признания?

— Возможно, но я плохо помню.

Чу И удивлённо протянул:

— А почему этот случай запомнился так чётко?

Гирлянды, гитара, стойка с микрофоном — он запомнил каждую деталь!

Цинь Ихэн пояснил:

— Потому что меня обманули.

Чу И не сдержался и прыснул со смеху.

Ну конечно! Дело не в самом признании, а в том, что нашего студента Цинь провели вокруг пальца.

— А ты? — спросил Цинь Ихэн. — В тебя кто-нибудь влюблялся?

Спроси его Цинь Ихэн об этом раньше, Чу И, скорее всего, перевёл бы всё в шутку.

В вопросах чувств смущение всегда брало над ним верх: из-за застенчивости он молчал, отрицал всё и ни за что не проявлял инициативу.

Так что признаться, что кому-то нравился, для него было делом крайне смущающим.

Однако они только что договорились быть честными друг с другом.

— Да, — ответил Чу И и почувствовал, как уши заливают жаром.

Цинь Ихэн перенял манеру задавать вопросы у Чу И и спросил:

— И есть то, что запомнилось больше всего?

— У меня всё было не так романтично, как у тебя. Максимум — любовные записки.

Цинь Ихэн с искренним недоумением переспросил:

— Романтично?

Чу И рассмеялся, не намереваясь спорить с ним об этом:

— Нет-нет, ни капли не романтично.

— И что писали в любовных письмах?

— Да что там можно написать? Сочинение сотен на восемь иероглифов на тему «Ты мне

нравишься».

Цинь Ихэн улыбнулся:

— У тебя отличное чувство юмора.

Чу И тоже улыбнулся.

Цинь Ихэн уже второй раз назвал его остроумным.

И снова сделал это с совершенно невозмутимым видом.

Чу И и представить не мог, что когда-нибудь будет вот так запросто беседовать с собственным мужем на подобные темы.

Словно двое приятелей, едва успевших познакомиться, делятся друг с другом историями из прошлого.

— Цинь Ихэн, — Чу И нашёл новую тему для разговора, — а когда ты решил, что женишься именно в этом году?

Цинь Ихэн ответил без колебаний:

— Около двадцати пяти лет.

Чу И удивился:

— Почему? Как тебе тогда вообще пришло это в голову?

— Тогда компания только начинала развиваться. На одном из совещаний мы обсуждали планы на будущее, и, вернувшись к себе, я попутно распланировал и свою жизнь, — Цинь Ихэн повернулся и посмотрел на Чу И. — В тридцать лет, когда компания встанет на ноги, я смогу заняться личной жизнью.

Чу И очень хотелось поаплодировать директору Циню. Идти по жизни строго по собственному графику — это же просто невероятно.

Пять лет назад...

Какая там пять лет назад! Для самого Чу И всё было иначе: после выпуска он какое-то время пребывал в растерянности, потом открыл студию, но из-за отсутствия известности заказов почти не было, и он снова погрузился в неопределённость.

Будь то работа или брак — он просто плыл по течению, решая проблемы по мере их поступления.

Чу И снова спросил:

— Год уже подходит к концу... Если бы ты тогда не встретил меня, — Чу И запнулся и понизил голос, — ты бы женился на ком-то другом?

Цинь Ихэн кивнул:

— Нашёл бы кого-то подходящего и женился бы.

Чу И: «...»

До чего же обидно!

И зачем он вообще спросил?

Он ведь прекрасно знал, что ответит Цинь Ихэн.

И всё равно напросился!

— Но, — продолжил Цинь Ихэн, — я очень рад, что встретил тебя. До тебя мне никто не припадал так к душе и никто не казался настолько подходящим.

Чу И изо всех сил постарался улыбнуться:

— Вот как?

— Да, — кивнул Цинь Ихэн. — Нам самой судьбой предначертано быть вместе.

Чу И немного отлегло.

Но лёгкая досада всё ещё оставалась.

Чу И спросил снова:

— А если бы до конца года ты так и не встретил кого-то по душе и подходящего?

— Тогда отложил бы. Подобные вещи не случаются по заказу.

Чу И от досады решил придраться:

— А если бы вообще никогда не встретил? До каких пор ты бы откладывал?

Цинь Ихэн задумчиво помолчал.

На самом деле, кроме Чу И, он действительно никого не видел рядом с собой.

— Откладывал бы до тех пор, пока не встретил тебя.

Ах!

Цинь Ихэн!

Всё, досада испарилась.

Разница была очевидной: сегодня Цинь Ихэн заговорил куда охотнее, чем обычно.

За всё время с момента свадьбы это был их самый долгий разговор.

У Чу И было прекрасное настроение. Начать их отношения с дружбы — отличная идея.

Если он хочет по-настоящему влюбиться в Цинь Ихэна, это начало подходило как нельзя лучше. Главное — двигаться шаг за шагом.

Время давно перевалило за четыре часа, но Чу И совершенно не хотелось возвращаться домой.

<http://bllate.org/book/18385/1767832>